
ИЗМЕНА
НАСЛЕДНИК НЕ ДЛЯ ТЕБЯ
ЯНА ДМИТРИЕВА

Яна Дмитриева

Измена. Наследник не для тебя

«Автор»
2026

Дмитриева Я.

Измена. Наследник не для тебя / Я. Дмитриева — «Автор», 2026

— Ты бракованная, Катя! Мне нужен наследник, а ты за пять лет так и не смогла родить! Марина беременна, и у нас будет сын!Именно так муж сообщил мне о разводе. Собрал чемодан, прихватил любимый тостер и отправился строить новую счастливую семью.А я осталась одна. С разбитым сердцем, кучей медицинских анализов и уверенностью, что никогда не стану матерью.Но один визит к новому врачу перевернул всё.Оказывается, пять лет меня обвиняли в том, в чём я совершенно не виновата!А ещё выяснилось кое-что интересное о долгожданном наследнике моего благоверногоТеперь у бывшего большие проблемы. А у меня — новая жизнь, опасно привлекательный доктор и один маленький секрет, который однажды заставит предателя пожалеть обо всём.Он хотел наследника? Что ж, пусть сначала выяснит, чей он!

© Дмитриева Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бракованный товар 6
Глава 2. Новый главврач 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Яна Дмитриева
Измена. Наследник не для тебя

Измена. Наследник не для тебя.

Глава 1. Бракованный товар

Я стояла в дверном проёме и с научным интересом наблюдала, как мой муж пытается впихнуть мою любимую ортопедическую подушку в свой чемодан. Подушка сопротивлялась. Видимо, даже пенополиуретан с эффектом памяти понимал, что Валера совершает ошибку.

— Ты бы еще блендер забрал, — заметила я, скрестив руки на груди. — В новой жизни тебе наверняка понадобятся смузи для поддержания тонуса.

Валера замер, вытер испарину со лба и посмотрел на меня взглядом, в котором читалась смесь жалости и брезгливости. Так обычно смотрят на раздавленного голубя на асфальте.

— Блендер я уже положил, — буркнул он, застегивая молнию. — И тостер тоже. Марина любит гренки по утрам.

Марина. Имя повисло в воздухе, тяжелое и липкое, как пролитый сироп. Еще полчаса назад я думала, что мы обсуждаем, куда поехать в отпуск. А теперь я знала, что Марина из планового отдела любит гренки, что мой муж спит с ней последние полгода, и что он уходит.

Валера выпрямился, поправил пиджак, который, кстати, выбирала ему я, и наконец-то соизволил посмотреть мне в глаза.

— Катя, не начинай. Не делай из этого драму. Ты же умная женщина. Должна понимать, что так не могло продолжаться вечно.

— Что именно? Твоя способность врать или моя способность оплачивать твои кредиты?

Он поморщился, словно от зубной боли.

— Я о нас. О семье. Которой у нас нет. — Он сделал шаг ко мне, но не для того, чтобы обнять, а чтобы пройти к комоду. — Я мужчина, Катя. Мне нужен наследник. Род. А ты...

Он не договорил, но слово «пустышка» прозвучало громче любого крика. Валера открыл верхний ящик, где лежали документы.

— Пять лет, Катя. Пять лет я терпел эти пробирки, твои истерики, гормоны, врачей, которые смотрят на меня как на дойную корову. Я устал жить в больнице. Я хочу жить в доме, где пахнет детской присыпкой, а не лекарствами.

Он достал толстую папку с нашими медицинскими картами. Мое сердце пропустило удар. Там была вся история нашей борьбы. Пять лет надежд, боли и бесконечных тестов на овуляцию.

— Марина беременна, — выстрелил он, даже не глядя на меня. — восьмой месяц. У меня будет сын.

Мир качнулся. Восьмой месяц. Значит, пока я лежала после очередной пункции, глотая слезы от очередной неудачи, он делал наследника Марине. Прекрасно. Просто великолепно.

— Поздравляю, — мой голос предательски дрогнул, но я тут же взяла себя в руки. — Надеюсь, у него будет ее интеллект, а не твоя совесть.

Валера побагровел. Он всегда плохо переносил, когда я не валялась у него в ногах.

— Знаешь, в чем твоя проблема? — он швырнул папку с анализами на пол, прямо к моим ногам. Бумаги веером разлетелись по паркету. — Ты холодная. Ты как эта квартира — стерильная, дорогая и абсолютно бесполезная. Ты бракованная, Катя. Женщина, которая не может родить — это не женщина. Это просто функция. И даже с этой функцией ты не справилась.

Я смотрела на рассыпанные листы. Результаты УЗИ, спермограммы, гормональные панели. Наша общая боль, которую он только что превратил в мусор.

— Выкинь это, — бросил он, подхватывая чемодан. — Тебе это больше не понадобится. Зачем хранить инструкции к сломанному механизму?

Он направился к выходу. Колесики чемодана весело простучали по стыкам ламината. У двери Валера остановился и обернулся. Я ожидала чего угодно: «прости», «прощай», «не поминай лихом».

— Кстати, — он похлопал себя по карманам. — Ключи от машины положи на тумбочку. Она оформлена на мою маму, ты же помнишь? Не хочу потом возиться с переоформлением страховки. Тебе все равно теперь некого возить по клиникам.

Во мне что-то щелкнуло. Не боль, нет. Это было чистое, незамутненное изумление от масштабов его ничтожества. Я молча сняла ключи с крючка и положила их на тумбу.

— И кофемашину я заберу в следующие выходные, — добавил он, уже открывая дверь. — Марина не умеет варить в турке.

— Валера, — позвала я его тихо.

Он обернулся, ожидая мольбы.

— Забери и мусорное ведро. Оно идеально впишется в твой новый интерьер.

Дверь захлопнулась.

Я осталась стоять посреди коридора. Одна. Без мужа, без машины, без тостера и, судя по всему, без будущего. Под ногами белели листы бумаги. Я медленно опустилась на корточки и подняла верхний лист. Это было заключение из клиники, которое мы должны были обсудить на следующем приеме.

«Бракованная», — эхом звучало в голове.

Слезы, которые я сдерживала усилием воли, наконец хлынули. Но сквозь рыдания я вдруг хихикнула. Потом еще раз. Это был нервный, злой смех.

Он забрал мои полотенца. Он реально забрал полотенца с вышитыми вензелями.

— Ну что ж, Катя, — сказала я вслух пустой квартире. — Зато теперь у тебя освободилась куча места в шкафу. И никто больше не будет разбрасывать носки.

Я посмотрела на разбросанные медицинские карты. Валера сказал выкинуть их. Сжечь мосты. Забыть о мечте стать матерью, раз уж я «сломанный механизм».

Рука потянулась к стопке бумаг. Я хотела сгрести их и отправить в мусоропровод. Но взгляд зацепился за название клиники на бланке. «Центр репродукции». Я так и не забрала оттуда свои последние гормональные пробы. И договор на заморозку эмбрионов... эмбрионов, которых не получилось, нужно было расторгнуть официально.

Я не доставлю ему удовольствия думать, что я умерла от горя. Я поеду в клинику. Я заберу каждую бумажку, поставлю каждую подпись и закрою эту дверь навсегда.

А потом куплю себе новый тостер. И он будет жарить хлеб лучше, чем Валера жарил меня все эти годы.

Глава 2. Новый главврач

Клиника «Новая Жизнь» пахла хлоркой, лавандовым освежителем и дорогим отчаянием. Я ненавидела этот запах. За пять лет я выучила здесь каждую трещину на бежевой плитке и знала в лицо всех администраторов.

Сегодня я пришла сюда в последний раз. Три дня после ухода Валеры прошли как в тумане, но я гордилась собой: я ни разу не позвонила ему, хотя рука тянулась к телефону каждые полчаса. Вместо этого я составила список дел. Пункт первый: забрать медицинскую карту. Пункт второй: напиться с подругой. Пункт третий: сжечь свадебное платье на даче. Пока я застряла на первом.

— Екатерина Андреевна? — девушка на ресепшене улыбалась мне с профессиональным сочувствием. Видимо, мои красные глаза и отсутствие обручального кольца говорили красноречивее слов. — Ваш лечащий врач, Аркадий Петрович, уволился на прошлой неделе.

— Как удачно, — хмыкнула я. — Надеюсь, он ушел в монастырь замаливать грехи за свои цены. Мне все равно, кто отдаст мне документы. Я хочу расторгнуть договор и забрать выписки.

— Вас примет новый заведующий отделением. Руслан Александрович. Кабинет 304.

Я вздохнула. Опять этот кабинет. Место, где надежды умирали чаще, чем мухи осенью. Я натянула бахилы — эти синие шуршащие символы унижения — и пошла по коридору. Вокруг сидели пары. Счастливые, испуганные, держащиеся за руки. Я старалась не смотреть на чужие животы. Мой собственный живот предательски сжался, напоминая, что он пуст и, по мнению бывшего мужа, бракован.

Я постучала и, не дожидаясь ответа, толкнула тяжелую дверь.

— Здравствуйте, я только забрать...

Слова застряли в горле. Вместо привычного, наигранно доброго, Аркадия Петровича за столом сидел совершенно другой человек.

Он был слишком молод для заведующего и слишком красив для врача, которому доверяешь свое здоровье. Темные волосы, идеально выбритые скулы и плечи, которые с трудом помещались в медицинский халат. Он что-то быстро печатал на клавиатуре, хмурясь, словно ставил диагноз самому компьютеру.

— Войдите и закройте дверь, — произнес он, не поднимая головы. Голос был низким, раскатистым, с металлическими нотками. Таким голосом отдают приказы, а не утешают плачущих женщин.

Я послушно закрыла дверь и села на краешек стула.

— Я ненадолго. Мне нужны мои документы. Фамилия — Скворцова.

Врач наконец перестал печатать и поднял на меня глаза. Они были темно-карие, почти черные, и смотрели так внимательно, будто он видел мой скелет сквозь свитер.

— Скворцова Екатерина и Скворцов Валерий, — он взял со стола уже подготовленную папку. Видимо, администратор успела предупредить. — Я ознакомился с вашей историей болезни перед вашим приходом.

— Зачем? — удивилась я. — Я не планирую продолжать лечение. У меня... изменились семейные обстоятельства. Муж ушел.

Я выпалила это раньше, чем успела прикусить язык. Господи, зачем я оправдываюсь перед этим незнакомцем?

Доктор откинулся на спинку кресла, и оно жалобно скрипнуло под его весом.

— Ушел? — переспросил он, и в его тоне не было жалости, скорее холодное любопытство. — Почему?

— Потому что ему надоело жить с пустой куклой, — злость на саму себя прорвалась наружу. — Потому что он хочет детей, а я не могу их ему дать. Потому что я безнадежна. Достаточно подробностей, или мне рассказать, как именно он упаковывал наш тостер при уходе?

Руслан Александрович — так, кажется, его звали — даже не улыбнулся. Он медленно снял очки в тонкой оправе и потер переносицу.

— Интересно, — произнес он тихо.

— Что именно интересно? Мое фиаско?

— Интересно, как часто люди делают выводы, не умея читать, — он открыл папку и развернул ее ко мне. — Посмотрите сюда, Екатерина.

Я неохотно взглянула на ряды цифр и непонятных латинских терминов. Для меня это была китайская грамота, за которую мы платили бешеные деньги.

— И что?

— Это ваша последняя сводка. Гормоны, проходимость труб, овариальный резерв. Вы здоровы как космонавт. У вас идеальные показатели для вашего возраста.

— Я знаю, — огрызнулась я. — Врачи говорили, что это "необъяснимое бесплодие". Психосоматика. Или карма.

— Нет такого диагноза "карма", — жестко отрезал он. — А теперь посмотрите на страницу номер два. Это спермограмма вашего мужа.

Он ткнул пальцем в строку, выделенную красным.

— Видите этот показатель? Морфология ноль процентов. Подвижность критическая. А в анамнезе у него перенесенный в подростковом возрасте орхит с осложнениями.

Я тупо смотрела на бумагу. Буквы плясали перед глазами.

— Я не понимаю... — прошептала я. — Аркадий Петрович говорил, что у Валеры "ленивые, но перспективные" показатели. Что нам просто нужно пробовать и делать ЭКО.

Руслан Александрович жестко усмехнулся. Эта улыбка сделала его лицо хищным.

— Аркадий Петрович был отличным коммерсантом, но посредственным врачом. Он тянул с вас деньги пять лет. С такими анализами, как у вашего мужа, естественное зачатие невозможно. Это не "ленивые" показатели, Екатерина. Это стерильность.

В кабинете повисла звенящая тишина. Слышно было только, как гудит кондиционер.

— Подождите, — мой голос сорвался на сип. — Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что причина отсутствия детей в вашей паре — исключительно ваш муж. Вы абсолютно фертильны. Вы могли бы забеременеть хоть завтра, если бы рядом был здоровый мужчина.

Земля ушла из-под ног. Я вцепилась в подлокотники стула, чтобы не упасть. Валера. Валера, который называл меня бракованной. Валера, который тыкал мне в лицо беременностью Марины.

— Но этого не может быть, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает истерический смех. — У него будет ребенок. Его любовница беременна. Четвертый месяц. Он сказал, это его сын. Наследник.

Доктор посмотрел на меня долгим, нечитаемым взглядом. В его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие, но он быстро спрятал это за маской профессионализма.

— Екатерина, — он подался вперед, сцепив пальцы в замок. — Медицина — наука точная. Чудеса случаются, но не с таким диагнозом. Если его любовница беременна, то у меня для вашего мужа плохие новости.

Он сделал паузу, давая мне осознать смысл сказанного.

— Этот ребенок не от него. Это медицинский факт.

Я сидела, открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на берег. Валера не просто предал меня. Он разрушил мою самооценку, втоптал меня в грязь, обвинил во всех смертных грехах, будучи сам... пустым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.